

Кирчанов Максим Валерьевич

доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
заместитель декана факультета
международных отношений
Воронежского государственного университета
dom-hors@mail.ru

ЧУВАШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В 1917–1920-Е ГГ.: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТИЗАЦИИ

Аннотация:

Автор анализирует трансформации в идеологии чувашского национализма в конце 1910-х гг. Русские революции 1917 г. содействовали активизации национальных движений. Чувашские националисты начали развивать лозунги культурной и политической автономии. Октябрьская революция актуализировала социальные идеи в чувашском национализме. Компромисс между чувашскими националистами и российскими большевиками привел к синтезу социальных и национальных идей в чувашском национализме и формированию социалистической советизированной версии чувашской идентичности.

Ключевые слова:

русские революции 1917 г., чувашский национализм, национальное движение, советизация.

Kirchanov Maxim Valeryevich

Assistant Professor of the Regional Studies
and Foreign Countries Economy Subdepartment,
Deputy Dean of the International
Relations Department,
Voronezh State University
dom-hors@mail.ru

CHUVASH NATIONALISM IN 1917–1920-S: PROBLEMS OF SOVIETIZATION

Summary:

The article deals with ideological transformations in Chuvash nationalism in the late 1910-s. Russian revolutions of 1917 contributed to the national movements' activation. The Chuvash nationalists began to develop slogans for cultural and political autonomy. The October revolution brought into focus social ideas of the Chuvash nationalism. Compromise between the Chuvash nationalists and Russian Bolsheviks resulted in synthesis of the social and nationalist ideas in the Chuvash nationalism and formation of the socialist soviet version of the Chuvash identity.

Keywords:

Russian revolutions of 1917, Chuvash nationalism, national movement, Sovietization.

Канадский украинский исследователь Мирослав Шкандрий в одной из своих работ [1] высказал предположение о том, что в эволюции дискурса национальной политической и культурной жизни нерусских народов можно выделить два этапа – этап неконтроля дискурса со стороны властей и этап покорения дискурса, его принудительной интеграции в советский культурный канон. Шкандрий использовал эту дихотомию для изучения украинской истории, хотя методология, на которую он опирается, кажется вполне применимой и для изучения истории других нерусских народов, например истории чувашской литературы. Чувашский культурный национализм, представленный к тому времени пока что малочисленными текстами, достаточно хорошо исследован в категориях традиционного исторического или литературоведческого понимания. В статье мы анализируем культурные основания политического формирования и развития национализма, конструирования политической идентичности и лояльности.

Революция 1917 года имела свои последствия для большинства национальных регионов начавшей распадаться Российской империи, в том числе и для Чувашии [2], несмотря на ее периферийный статус и полуколониальное положение внутренней периферии в политическом пространстве распадавшейся Российской империи. 20–28 июня 1917 г. в Симбирске состоялся первый Общечувашский съезд [3], в ходе работы которого была озвучена необходимость активизации национальной интеллигенции в сфере образования, необходимость борьбы за автономию [4], выработку национальной чувашской символики. По результатам съезда было создано Чувашское национальное общество, в

правление которого вошли деятели из рядов интеллигенции – А.В. Васильев, Г.Ф. Аллюнов, И.В. Васильев, Н.В. Никольский, А.В. Рекеев, А.Г. Гаврилова.

Революция привела к демонтажу старых имперских нарративов, использовавшихся для описания роли и места нерусских народов. Если раннее имперская администрация определяла нормы их поведения, то теперь они сами стали выстраивать свою культуру как свою собственную, поначалу не интегрируя ее в новый советский канон. На волне революционных перемен чувашское национальное движение ставило задачи по ликвидации национального неравенства, преследуя самые широкие цели – от создания политической автономии до всемерного развития чувашской культуры [5]. Революционные процессы привели к демонтажу старого имперского канона, а также связанных с ним типов политической идентичности. В результате разрушения старых идентичностей институционализации были подвергнуты новые идентичности, которые оказались в одинаковой степени национальными и политическими [6]. Это не означало того, что местные чувашские интеллектуалы обрели полную свободу – они были вынуждены проявлять свою лояльность, подчеркивая ее своим творчеством, акцентируя на нее внимание в своих произведениях.

Такая ситуация привела к тому, что свобода относительно быстро прошла и чувашский культурный национализм как совокупность текстов и связанных с ними политических практик был интегрирован в большой советский канон, пришедший на смену имперскому. Революция в России привела к тому, что политическая ситуация в национальных регионах стала определяться местными нерусскими, ранее исключенными из политической жизни этническими сообществами. Если раннее культурный национализм был представлен немногочисленными газетами культурной ориентации, то революция резко политизировала общественную сферу в национальных регионах в целом, а также в Чувашии [7]. Советские элиты осознавали, что националистические тренды сложно контролировать. Поэтому национализм, представленный преимущественно текстами и минимальной рудиментарной политической активностью, в национальных автономиях [8] был подвергнут советизации и институционализирован не только как национальный, но и политический – точнее: политически лояльный [9].

Важным фактором в развитии чувашского национализма стало создание автономии, которая позволила реализовать многие ранее скрытые потенциалы чувашей, связанные, например, с развитием образования [10]. Процесс создания автономии был сложным, сопровождался политизацией чувашского населения, его участием в Гражданской войне, что привело к появлению в Красной армии отрядов, сформированных по национальному признаку. Создание подобных подразделений мотивировалось тем, что в них «было бы легче вести культурно-просветительскую работу на родном языке для воспитания в духе революционного социализма» [11]. В июне 1918 г. началась запись в «Чувашскую национальную роту» [12]. Параллельно шла агитационная работа, в том числе и на чувашском языке [13], направленная на «политическое воспитание красноармейцев чуваш путем устного и печатного слова» [14]. В 1919 г. отмечалось активное использование чувашского языка, например, в чтении лекций «коммунистами-чувашами» [15].

Чувашские коммунисты обращались к национальным чувствам чувашей, подчеркивая их неравноправное положение в Российской империи: «чувашский трудовой народ, извечно терпевший муки и страдания, только благодаря революции получил свободу и вышел к свету» [16]. Позднее, в период работы первого Чувашского областного съезда Советов, подчеркивалось, что «чувашские народные массы в продолжение семи веков боролись за свое национальное освобождение, свой язык, быт, нравы и обычаи, теснимые со всех сторон пришельцами... агенты полицейско-царского строя, попы и миссионеры издевались над чувашами, попирая своими ногами их язык, обычаи, нравы и быт, и

чувашскому народу грозила неизбежная гибель» [17]. В апреле 1919 г. Д. Эльмень уже подводил некоторые итоги, отмечая не только рост изданий на чувашском языке, но и позитивное значение создания чувашского театра [18].

В октябре 1918 г. чувашские коммунисты смогли добиться определенной организационной самостоятельности в РКП(б), что выразилось в создании Чувашской организации РКП(б) [19]. Кроме этого, предпринимались попытки создания Чувашской секции при Казанском губернском комитете РКП(б) [20] и Симбирском губернском комитете [21]. В мае 1920 г. чувашские национальные коммунисты, подчеркивая, что «чуваши живут в семи губерниях Поволжья, а также группами по многим областям и губерниям Сибири... резко отличаются от великорусского крестьянина своим особым хозяйственным укладом, бытом, нравами, обычаями и языком», предприняли еще один шаг, направленный на их объединение, создав «Центральное бюро чувашских ячеек» [22].

3 января 1920 г. Чувашский отдел при Наркомнаце поставил вопрос о «выделении чувашского народа в особую административную единицу», что стало первым шагом на пути к созданию советской формы чувашской государственности. В Докладной записке предпринималась попытка обосновать историческую и политическую легитимность и необходимость создания автономии – «Чувашской трудовой коммуны на правах губернии» – в состав которой вошли бы Шихранский, Курмышский, Норусовский, Присурский, Сундырский, Чебоксарский, Мариинско-Посадский, Урмарский, Буинский, Тетюшский, Симбирский и Сунчелеевский районы. В связи с этим подчеркивалась и территориальная целостность, характерная для расселения чувашей, которые «представляют из себя одну из ветвей тюркского племени и происходят, как полагают тюркологи, от камских булгар» [23].

Спустя месяц чувашскими национально ориентированными коммунистами были подготовлены тезисы, которые обосновывали необходимость автономии. Подчеркивалось, что чуваши были одной из жертв политики царизма («продолжительное пребывание в экономическом и политическом рабстве и целый ряд других неблагоприятных исторических причин привели к тому, что чуваши представляют одну из отсталых народностей»); отмечалось и то, что значительная часть чувашского населения не знает русского языка. Доказывалась необходимость создания чувашской автономии как наилучшей формы организации работы с чувашским населением. Чувашская трудовая коммуна с центром в Чебоксарах была создана 6 февраля 1920 г. [24], преобразованная позднее в Чувашскую автономную область [25]. Таким образом, советский режим не только территориально ограничил чувашскую автономию, но фактически не урегулировал окончательно вопрос о ее границах, который поднимался позднее национально ориентированными чувашскими коммунистами. В июле 1920 г. на заседании Цивильского уездного совета они ставили вопрос о создании «Чувашской республики», неоднократно обращаясь к «чувашской нации» [26].

Дискурс, как совокупность текстуализированных проявлений национализма и связанных с ним политических практик, в Чувашии конца 1910 – начала 1920-х гг. становился не только националистическим, но и серийным, формируясь в результате политического участия масс и этнической мобилизации активно национализирующихся сообществ [27], интеллектуалы которых начинают осознавать свою группу как нацию со всеми вытекающими последствиями – от идеи народного (национального) суверенитета до лозунга национального (независимого) государства. Политической модернизации способствовала и институционализация политического дискурса в виде создания сначала автономной области, а позднее и автономной республики в составе РСФСР. Статус подобных республик российский исследователь П. Федосов оценивает как «квазигосударственный» [28]. В этом контексте национализм является и «способом конструирования коллективных

идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации» [29].

Активно действовало «Чувашское национальное общество», органом национально-го движения стала газета «Хыпар», писавшая о необходимости проведения реформ в Чувашии. Стали звучать идеи создания чувашской национальной автономии, именно Чувашской православной церкви [30]. «Хыпар», выходящая под девизом «Пётём Чăваш, пёрлешёр!» («Чуваши, объединяйтесь!»), позиционировала себя как идейный центр чувашского национального движения. Чувашские интеллектуалы, почувствовав национальное освобождение, сменили лояльную ориентацию на национальную. Газета «Хыпар» призывала сохранять национальное единство: «чуваш един тем, что он чуваш». Стала культивироваться идея особого чувашского мира – без классовой вражды и социальных противоречий: «чувавам нечего делить между собой». На волне национального подъема И. Тхти писал, что «силен будет люд чувашский, коль един он духом будет». Параллельно местные интеллектуалы поняли, что можно управлять и без русской администрации. В связи с этим А. Милли говорил: «Не надо слушаться русских, а то опять обманемся и осрамимся на весь свет» [31]. А. Турхан, в свою очередь, писал, что «из всех народов всего мира да здравствует единственный чувашский народ» [32].

Развитие чувашского национализма, с другой стороны, в значительной степени является дискретным. Между чувашским националистическим движением до 1917 г. и после прихода к власти большевиков существует разрыв. Это понимали и сами чувашские националисты, которые в начале 1920-х гг. стремились взять под контроль националистическое движение. Попыткой ликвидации разрыва между поколениями чувашских националистов, которые действовали в различных условиях, стало Духовное завещание Ивана Яковлева [33], написанное в 1921 г. в условиях начального этапа институционализации советской версии политического пространства. Завещание несет в себе черты домодернового национализма, основанного на доминировании высокой культуры, носители которой должны были играть патерналистскую роль в отношении масс.

Завещание несет в себе родовые травмы домодернового национализма, основанного в том числе и на религиозной идентичности. И. Яковлев, например, писал: «Крепче всего берегите величайшую святыню – веру в Бога. Вера окрыляет силы ума и сердца, дарует внутренний мир, утешает и ободряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет ее в счастье и удаче. С верой в Бога не страшны жизненные испытания; без веры в Него холодно и мрачно на земле. Веруйте, что есть Высший мздовоздатель за добро и за зло, что есть Высшая правда, есть Божий суд, грозный и праведный» [34].

С другой стороны, чувашский национализм, носителем которого являлся И. Яковлев, не был в достаточной степени не только этнизированным, но и гражданским, о чем свидетельствуют многочисленные русские нарративы в тексте Завещания: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему, грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду, и,

нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью» [35]. Подобные нарративы в тексте Завещания свидетельствуют не только о том, что его автор был носителем в большей степени домодерновой идентичности, но и в значительной степени скептически относился к этническим версиям чувашского проекта, которые на данном этапе выглядели радикально.

Политические перемены изменили и другие сферы жизни в Чувашии, в частности – сферу применения чувашского языка. Чувашские интеллектуалы стали прилагать немалые усилия к его развитию, стремясь сохранить его чувашский характер и модернизировать. Национально ориентированные авторы попытались использовать исторический шанс и утвердить чувашский язык как национальный, отдалив его от русского. В таком контексте они обратились к народным говорам, народному языку. На волне этого интереса они попытались утвердить в качестве литературной нормы такие слова как «канаш» (вместо заимствованного «совет»), «чухансем» вместо «пролетариат». Один из кульминационных моментов этой тенденции – попытка утвердить термин «пуласси» («будущность») вместо «социализм». В данном случае мы наблюдаем не только смыкание модернистского интеллектуального импульса с футуристским, но и синтез различных политических лояльностей.

Россия накануне революции представляла страну со значительным количеством нерешенных, в том числе и национальных, проблем. В результате революции в России политическими элитами была взята на вооружение модель авторитарной модернизации. С другой стороны, помня о том, что СССР является многонациональным государством, правящие элиты пошли на негласный компромисс с национальными течениями в большевизме.

На волне революционных процессов и демонтажа старых институтов меняется идейное содержание чувашского культурного национализма. Чувашские интеллектуалы, с одной стороны, становятся более национально настроенными. При этом они уже не скрывали своей откровенной национальной ориентации. С другой – социальный нарратив развивается наряду с целым комплексом модернизационных нарративов – чувашские интеллектуалы требуют не просто реформ и улучшения социального положения чувашского народа, они культивируют идеи не просто социального равенства, но широкой программы социальных перемен, которые могли привести к радикальной модернизации чувашского сообщества в направлении современной нации. В такой ситуации чувашские авторы усиленно подчеркивают свою лояльность, стремясь позиционировать себя как часть официального большого советского канона – например, во время борьбы с Колчаком один из чувашских левоориентированных интеллектуалов отметил поэмой «Колчак» [36], призванной акцентировать внимание на революционных добродетелях чувашей. Поэтому чувашаи позиционируются как революционная нация, заинтересованная в радикальном отказе от всего старого. В таком контексте чувашский литературный текст – текст со значительным модернизационным потенциалом, текст утверждения нового.

В различных национальных регионах Советского Союза этот процесс протекал по-разному, но он имел и несколько общих особенностей. Формирование советского политического пространства и советского типа написания истории литературного прошлого сопровождалось острой полемикой между местными интеллектуалами и советским центром, проявления которой могли варьироваться от дискуссии на страницах печати до осуждения и разоблачения «буржуазного национализма» и показательных политических судебных процессов. Не была исключением и Чувашская АССР. События 1917 г. и советская политика коренизации привели к значительной политической трансформации регио-

на, формированию новой версии чувашской идентичности, которая сочетала в себе элементы как чувашского национализма, так и лояльности новому советскому государству.

Ссылки:

1. Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. Montreal, 2001.
2. Изоркин А.В. Советы солдатских депутатов Чувашии в 1917 году // Чувашия в годы первой мировой войны. Чебоксары, 1985. С. 39–61.
3. Иванов В., Клементьев В. Образование чувашской автономии. Предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, 2010. С. 28.
4. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 23–44.
5. Çурла. Театр çинчен // Канаш. 1919. 30 октября.
6. Исхаков Д.М. Национальное движение волго-уральских татар «первой волны» и его особенности // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX века : сб. докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова. Ижевск, 2000. С. 132–144.
7. Ермолаева Е.А. Образование Чувашской автономной области и организация структур государственной власти // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2005. С. 19–31.
8. Минеева Е.К. Первые годы существования Марийской и Чувашской автономий // Изучение истории народов Среднего Поволжья: новые аспекты и сюжеты. Чебоксары, 2008. С. 127–156.
9. Клестов И.К. Автономия удмуртского народа в философско-историческом аспекте (к постановке проблемы) // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. / ред. и сост. К.И. Куликов. Ижевск, 1991. С. 41–58.
10. Сергеев Т.С. Народное образование в чувашей в России в 1918–1928 годах // Чăваш Республикани аслăхпа унер наци академи хыпапĕсем. Аслăх журналĕ. Гуманитарии аслăхĕсем / Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Научный журнал. Гуманитарные науки. 2000. № 3 / 2001. № 1. С. 84–108.
11. Отношение Чувашского отдела при Народном Комиссариате по делам национальностей Народному Комиссариату по военным делам с ходатайством об организации в г. Казани двух чувашских полков Красной Армии, 8 июня 1918 г. // Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области : сб. документов / сост. В.П. Климова и др. ; отв. ред. В.Л. Кузьмин ; ред. И.Д. Кузнецов, И.И. Музыкантов. Чебоксары, 1960. С. 40–41.
12. Объявление военного отдела Чебоксарского уездного Совета о записи добровольцев в Чувашскую национальную роту Красной Армии (не позднее 15 июня 1918 г.) // Там же. С. 43.
13. Сообщение Чувашского отдела при Народном Комиссариате по делам национальностей об агитационно-массовой работе среди чувашского населения деревень прифронтовой полосы // Там же. С. 61.
14. Сообщение Чувашского подотдела при политотделе штаба Восточного фронта Чувашскому отделу при Наркомнаце об организации подотдела и о проводимой им работе среди красноармейцев-чуваш и чувашского населения, 18 ноября 1918 г. // Там же. С. 73.
15. Знамя революции. 1919. № 134. 19 июня.
16. Обращение Чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б), Чувашского отдела при Наркомнаце, Чувашского отдела при исполкоме Казанского губернского Совета. Чувашских подотделов при политотделах II и IV армий ко всем трудящимся Чувашии и воинам Красной Армии с призывом подняться на разгром Колчака, 29 апреля 1919 г. // Чувашия в годы Гражданской войны... С. 184–186.
17. Декларация I Чувашского областного съезда Советов, 8 ноября 1920 года // Там же. С. 581–584.
18. Из доклада члена Чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б) Д. Эльменя о проведении массово-политической и культурно-просветительской работы среди чувашского населения, 26 апреля 1919 г. // Там же. С. 180–182.
19. Сообщение Чувашского коммунистического комитета в Казанский комитет РКП(б) о преобразовании комитета в Чувашскую организацию РКП(б), 2 ноября 1918 г. // Там же. С. 66.
20. Письмо Чувашской организации РКП(б) в г. Казани Казанскому губкому партии с просьбой о разрешении образовать Чувашскую коммунистическую секцию при Казанском губернном комитете РКП(б), 28 ноября 1918 г. // Там же. С. 79–80.
21. Протокол организационного собрания Чувашской секции при Симбирском губернном комитете РКП(б), 30 ноября 1918 г. // Там же. С. 85–86.
22. Доклад Чувашской секции при Казанском губкоме партии о необходимости учреждения Центрального бюро чувашских секций и ячеек РКП(б) и ЦК РКП(б) (не позднее 29 мая 1920 г.) // Там же. С. 439–441.

23. Докладная записка Чувашского отдела при Наркомнаце в Народный Комиссариат по делам национальностей по вопросу образования отдельной Чувашской административной единицы, 3 января 1920 г. // Там же. С. 337–340.
24. Положение об образовании Чувашской трудовой коммуны, 6 февраля 1920 г. // Там же. С. 373–376.
25. Приказ № 1 Революционного комитета Чувашской автономной области в связи с образованием Чувашской автономии, 6 июля 1920 г. // Там же. С. 491–492.
26. Протокол торжественного объединенного заседания исполкома Цивильского уездного Совета совместно с представителями партийных и профсоюзных организаций по поводу образования Чувашской автономной области // Там же. С. 498–499.
27. Yack B. Popular Sovereignty and Nationalism // PTIJPP. 2001. Vol. 29. № 4. P. 517–536.
28. Федосов П. Федерация в России: некоторые вопросы теории // Федерализм в России / ред. Р. Хакимов. Казань, 2001. С. 12.
29. Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 73.
30. Денисов П.В. Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март – сентябрь 1917 г.) // Вопросы истории и историографии чувашского народа / под ред. И.Д. Кузнецова. Чебоксары, 1970. С. 60–115.
31. Хыпар. 1917. № 1–4.
32. Хыпар. 1918. № 9.
33. Петров М.П. Чёмпёрти чăваш шкулёпе Иван Якăльч Якăвлев çинчен кёскен кăтартни. Шупашкар, 1928.
34. Яковлев И. Духовное завещание чувашскому народу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusidea.org/?a=130035> (дата обращения: 04.03.2013).
35. Там же.
36. Тăхти. Колчак. Казан, 1919.

References (transliterated):

1. Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. Montreal, 2001.
2. Izorkin A.V. Sovety soldatskikh deputatov Chuvashii v 1917 godu // Chuvashiya v gody pervoy mirovoy voyny. Cheboksary, 1985. P. 39–61.
3. Ivanov V., Klement'ev V. Obrazovanie chuvashskoy avtonomii. Predposylki, proekty, etapy. Cheboksary, 2010. P. 28.
4. Klement'ev V.N. Natsional'noe samoopredelenie narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v posleoktyabr'skiy period i avtonomizatsiya chuvashy (noyabr' 1917–1920 gody) // Chuvashskiy gumanitarniy vestnik. 2007. № 1. P. 23–44.
5. Çurla. Teatr çinchen // Kanash. 1919. October 30.
6. Iskhakov D.M. Natsional'noe dvizhenie volgo-ural'skikh tatar «pervoy volny» i ego osobennosti // Etnicheskaya mobilizatsiya vo vnutrenney periferii: Volgo-Kamskiy region nachala XX veka : sb. dokladov / eds. S. Lallukka, T. Molotova. Izhevsk, 2000. P. 132–144.
7. Ermolaeva E.A. Obrazovanie Chuvashskoy avtonomnoy oblasti i organizatsiya struktur gosudarstvennoy vlasti // Aktual'nie problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, istoriko-kul'turnogo i pravovogo razvitiya narodov Povolzh'ya : mezhvuz. sb. nauch. tr. Saransk, 2005. P. 19–31.
8. Mineeva E.K. Pervie gody sushchestvovaniya Mariyskoy i Chuvashskoy avtonomiy // Izuchenie istorii narodov Srednego Povolzh'ya: novie aspekty i syuzhety. Cheboksary, 2008. P. 127–156.
9. Klestov I.K. Avtonomiya udmurtskogo naroda v filosofsko-istoricheskom aspekte (k postanovke problemy) // Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Udmurtii v 1917–1937 gg. / ed. and comp. by K.I. Kulikov. Izhevsk, 1991. P. 41–58.
10. Sergeev T.S. Narodnoe obrazovanie v chuvashy v Rossii v 1918–1928 godakh // CHăvash Respublikin äslăkhpa ýner natsi akademi khypapësem. Äslăkh zhurnalë. Gumanitarii äslăkhësem / Izvestiya Natsional'noy akademii nauk i iskusstv Chuvashskoy Respubliki. Nauchniy zhurnal. Gumanitarnie nauki. 2000. № 3 / 2001. № 1. P. 84–108.
11. Otnoshenie Chuvashskogo otdela pri Narodnom Komissariate po delam natsional'nostey Narodnomu Komissariatu po voennym delam s khodataystvom ob organizatsii v g. Kazani dvukh chuvashskikh polkov Krasnoy Armii, 8 iyunya 1918 g. // Chuvashiya v gody Grazhdanskoy voyny. Obrazovanie Chuvashskoy avtonomnoy oblasti : sb. dokumentov / comp. by V.P. Klimova i dr. ; ex. ed. V.L. Kuz'min ; eds. I.D. Kuznetsov, I.I. Muzykantov. Cheboksary, 1960. P. 40–41.
12. Ob'yavlenie voennogo otdela Cheboksarskogo uездного Soveta o zapisi dobrovol'tsev v Chuvashskuyu natsional'nuyu rotu Krasnoy Armii (ne pozdnee 15 iyunya 1918 g.) // Ibid. P. 43.
13. Soobshchenie Chuvashskogo otdela pri Narodnom Komissariate po delam natsional'nostey ob agitatsionno-massovoy rabote sredi chuvashskogo naseleniya dereven' prifrontovoy polosy // Ibid. P. 61.
14. Soobshchenie Chuvashskogo podotdela pri politotdele shtaba Vostochnogo fronta Chuvashskomu otdelu pri Narkomnatse ob organizatsii podotdela i o provodimoy im rabote sredi krasnoarmeytsev-chuvash i chuvashskogo naseleniya, 18 noyabrya 1918 g. // Ibid. P. 73.

15. Znamya revolyutsii. 1919. № 134. June 19.
16. Obrashchenie Chuvashskoy seksii pri Kazanskom gubkome RKP(b), Chuvashskogo otdela pri Narkomnatse, Chuvashskogo otdela pri ispolkome Kazanskogo gubernskogo Soveta. Chuvashskikh podotdelov pri politotdelakh II i IV armiy ko vsem trudyashchimsya Chuvashii i voenam Krasnoy Armii s prizyvom podnyat'sya na razгром Kolchaka, 29 aprelya 1919 g. // Chuvashiya v gody Grazhdanskoy voyny... P. 184–186.
17. Deklaratsiya I Chuvashskogo oblastnogo s"ezda Sovetov, 8 noyabrya 1920 goda // Ibid. P. 581–584.
18. Iz doklada chlena Chuvashskoy seksii pri Kazanskom gubkome RKP(b) D. El'menya o provedenii massovo-politicheskoy i kul'turno-prosvetitel'skoy raboty sredi chuvashskogo naseleniya, 26 aprelya 1919 g. // Ibid. P. 180–182.
19. Soobshchenie Chuvashskogo kommunisticheskogo komiteta v Kazanskiy komitet RKP(b) o preobrazovanii komiteta v Chuvashskuyu organizatsiyu RKP(b), 2 noyabrya 1918 g. // Ibid. P. 66.
20. Pis'mo Chuvashskoy organizatsii RKP(b) v g. Kazani Kazanskomu gubkomu partii s pros'boy o razreshenii obrazovat' Chuvashskuyu kommunisticheskuyu seksiyu pri Kazanskom gubernskom komitete RKP(b), 28 noyabrya 1918 g. // Ibid. P. 79–80.
21. Protokol organizatsionnogo sobraniya Chuvashskoy seksii pri Simbirskom gubernskom komitete RKP(b), 30 noyabrya 1918 g. // Ibid. P. 85–86.
22. Doklad Chuvashskoy seksii pri Kazanskom gubkome partii o neobkhodimosti uchrezhdeniya Tsentral'nogo byuro chuvashskikh seksiy i yacheek RKP(b) i TSK RKP(b) (ne pozdnee 29 maya 1920 g.) // Ibid. P. 439–441.
23. Dokladnaya zapiska Chuvashskogo otdela pri Narkomnatse v Narodniy Komissariat po delam natsional'nostey po voprosu obrazovaniya otdel'noy Chuvashskoy administrativnoy edinitsy, 3 yanvarya 1920 g. // Ibid. P. 337–340.
24. Polozhenie ob obrazovanii Chuvashskoy trudovoy kommuny, 6 fevralya 1920 g. // Ibid. P. 373–376.
25. Prikaz № 1 Revolyutsionnogo komiteta Chuvashskoy avtonomnoy oblasti v svyazi s obrazovaniem Chuvashskoy avtonomii, 6 iyulya 1920 g. // Ibid. P. 491–492.
26. Protokol torzhestvennogo ob"edinennogo zasedaniya ispolkoma Tsivil'skogo uezdnoy Soveta sovmestno s predstavatelyami partiynykh i profsoyuznykh organizatsiy po povodu obrazovaniya Chuvashskoy avtonomnoy oblasti // Ibid. P. 498–499.
27. Yack B. Popular Sovereignty and Nationalism // PTIJPP. 2001. Vol. 29. № 4. P. 517–536.
28. Fedosov P. Federatsiya v Rossii: nekotorye voprosy teorii // Federalizm v Rossii / red. R. Khakimov. Kazan', 2001. P. 12.
29. Kalkhun K. Natsionalizm. M., 2006. P. 73.
30. Denisov P.V. Antiklerikal'nie vystupleniya chuvashskogo krest'yanstva i pravoslavnyaya tserkov' nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (mart – sentyabr' 1917 g.) // Voprosy istorii i istoriografii chuvashskogo naroda / ed. by I.D. Kuznetsov. Cheboksary, 1970. P. 60–115.
31. Khypar. 1917. № 1–4.
32. Khypar. 1918. № 9.
33. Petrov M.P. CHëmpërti chävash shkulëpe Ivan Yakäl'ch Yakävlev çinchen kësken kätartni. Shupashkar, 1928.
34. Yakovlev I. Dukhovnoe zaveshchanie chuvashskomu narodu [Electronic resource]. URL: <http://www.rusidea.org/?a=130035> (date of access: 04.03.2013).
35. Ibid.
36. Täkhti. Kolchak. Kazan, 1919.